

МОЛОДЕЖЬ ЛЕНИНГРАДА
г. Бяку

22 ДЕК 1973

Выпуск № 18 (69)

**ЗНАКОМЫЕ
ИМЕНА**

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ: «...СВОЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД МИРОМ»

Он вышел на сцену, и зал замер — такая наступила тишина. В воздухе, казалось, повисли напряженный интерес и ожидание. Но вот раздался низкий, слегка шипловатый голос поэта, читающего «Пожар в Политехническом». И зал облегченно выдохнул — столько в нем было душевности, несентеманального лиризма, самозабвения.

Исчезла стена отчуждения и неловкости первой встречи и появилось чувство удивления, восторга, тревоги, желания слушать поэта еще и еще. И он читал — еще и еще. И чем дальше, тем голос его звучал увереннее и свободнее, и зал, замороженный его чувствами, их не обыкновенной силой выражения, то взрывался, то вновь замирал звенящей тишиной.

А когда вспыхнул свет, и поэт, сказав на прощание обычные слова, ушел, встреча с ним как бы продолжалась в каждом. Отчего это происходит? Наверное, оттого, что у Андрея Вознесен-

ского очень много того, что называют талантом общения. Меня убедил в этом второе свидание с ним. И хотя он был уже другой — спокойный, ровный и мягкий в обращении, он вовсе не играл роль милого и обаятельного человека. Он был таким на самом деле. И на вопросы отвечал обстоятельно, не торопился и не кокетничал. Мы говорили о «Поэторике» — последнем крупном произведении поэта, созданном в содружестве с композитором Р. Щедриным, и он вдруг неожиданно сказал:

— Знаете, идея создания «Поэторики» не моя, а целиком Родиона Щедрина. Он мне предложил это содружество, а я с восторгом согласился, потому что Щедрин, на мой взгляд, один из наиболее ярких современных композиторов. Высоко ценю и уважаю его и как композитора, и как человека. Мне кажется, что Щедрин в музыке стоит как-то особняком.

Так вот, о «Поэторике».

Это оратория для хора, оркестра, чтеца и женского голоса, написанная на мои стихи разных лет. Стихи читал я сам, а солисткой мы взяли Л. Зыкину. Вначале она поет просто «белым голосом», без слов, а потом молитву из «Озы». Что касается меня, то я выступаю здесь больше как музыкальный инструмент — как барабан, ударник или флейта, читаю, кричу свои стихи как обычно. Вступаю я там раз шесть. Это выглядит необычно, может быть, потому, что делается впервые, но, по моему, все-таки интересно. В оратории красивые хоры, очень много колоколов, и рядом — представляете? — современные сирены.

В Ленинграде, в Октябрьском зале, в этом месте по залу «бродил» свет, исполнялись световые вещи Скрябина. Зрелище совершенно изумительное. Я в восторге от того, что у нас получилось, но повторяю, это заслуга прежде всего Родиона Щедрина, и успех оратории, в первую очередь, я отношу за

счет его замечательной музыки. Здесь все решено поновому. Скажем, Родион Щедрин удачно применил шорох звуков в том месте, где хор поет «Горе».

В конце января оратория будет исполняться в Московской консерватории.

— Намерены ли Вы продолжить содружество с Родионом Щедриным?

— Щедрин сделал несколько очень красивых хоров на мои стихи — голоса, поющие стихи без сопровождения, без аккомпанемента. Щедрин никогда не пользуется моей «болванкой» (кстати, такой метод и я не признаю), а берет те вещи, которые уже написаны. Одним словом, читает стихи, а потом уже видит их в музыке, но никак не наоборот.

— Вы говорили, что во время исполнения оратории в Ленинграде применялся светозвук. Как Вы видите свои стихи, воплощенные в цвете? Это интересно, но... не очень понятно.

— Звук и цвет очень связаны между собой. У них

свои, особые отношения. В Москве, при музее Скрябина есть студия, которая ставит очень интересные эксперименты. Существует она года три, но, несмотря на это, боится выйти на публику по той причине, что экспериментаторы предъявляют к себе слишком высокие требования. В студии очень красивый большой зал, и во время исполнения произведений эффект достигается полный. Здесь исполнялись несколько моих стихов и, мне кажется, удачно.

— Андрей, видите ли Вы свою поэзию, воплощенную в другие виды искусства?

— Сейчас я написал пьесу, настоящую пьесу, с сюжетом, с действующими лицами, с кульминацией. И хотя я никому ее еще не отдал, где-то в тайне писал ее для Ю. Любимова. Сейчас на Таганке идут «Антимир», пятисотый спектакль. Мы с Любимовым наполовину его обновили. Сняли старые стихи, не потому, что они мне не нравятся, а потому что хотелось вставить в

композицию новые.

Но, с другой стороны, стихи сами по себе уже драматургия. В каждом из них обязательно свои конфликты, свои проблемы. Однажды Любимов признался: «Я считаю, — сказал он, — что в наше время пьесы писать излишне. Надо ставить стихи. Каждый из них — драматургия». Так мы с ним и работаем.

— Андрей, Вы часто бываете в контакте со своим читателем. Что Вам, как поэту, дают авторские вечера?

— Прежде всего, я просто люблю читать залу свои стихи. Читая их, переживаешь вновь то рабочее состояние, в котором находился, когда стихотворение начинало жизнь. И потом на сцене это все присходит более точно, более чисто, потому что это твоё состояние ты хочешь донести до людей.

Кроме того, у меня нет определенного времени для работы. Это зависит от того, как на меня «найдет». Складывая стихи, я обычно стараюсь быть на людях, в самой гуще, и никогда ничего не записываю. Я все держу в голове, даже варианты. Потому и помню все свои стихи, слово в слово. Безусловно, это большое напряжение, читать наизусть, скажем, два часа подряд.

— Что Вас волнует больше всего? Какое место занимает в Ваших произведениях антивоенная тема?

— Война для меня уже в прошлом, хотя я понимаю, что война всегда присутствует, как предостережение, как опасность. Но мне все же кажется, что не менее страшны другие процессы, происходящие в мире. Скажем, загрязнение окружающей среды. И хотя молодежь наших дней не знает ужасов войны и у них нет никаких ассоциаций в этом отношении, у нее есть свои проблемы и конфликты, своя ответственность перед миром.

Записала
Р. БЕКИРЗАДЕ.